

Прошли сутки.

Прошли вторые.

На третье утро, очнувшись после короткого лихорадочного сна, Жанна хотела встать с постели и обнаружила исчезновение своего нового платья. Вместо него лежал истрепанный мужской костюм...

Девушка стала просить сторожей, чтобы ей дали женскую одежду. Разве они не знают, что носить мужское ей запрещено?

Тюремщики только смеялись.

Жанна лежала и думала. Кто сделал это? По чьему приказу? И как ей теперь поступить? Конечно, следовало бы вызвать кого-нибудь из членов суда и рассказать о том, что произошло. Но девушке страшно не хотелось объясняться с этими обманщиками попами. Ей не о чем было с ними говорить. Да их бы и не позвали.

Но что же делать? Совсем не одеваться, пока кто-либо не придет? Так можно пролежать очень долго...

...И вдруг стало ясно: надо надеть этот костюм. Другого выхода нет и быть не может. Конечно, это ловушка. Но ей теперь все равно. Она не может переносить больше жестокой внутренней борьбы. Раз она знает, что поступила плохо, нужно исправить ошибку. Тот, кто желал ее погубить, облегчил ей трудную задачу.

И девушка надела мужское платье.

Войдя в камеру, епископ несколько секунд присматривался, прежде чем его глаза привыкли к окружающей темноте. Наконец он различил Жанну. Девушка сидела на краю постели. Ее глаза были полны слез.

Дав знак протоколисту, Кошон обратился к осужденной.

— Жанна, когда и почему ты надела этот костюм?

— Я надела его вчера утром, потому что мужская одежда мне больше подходит, чем женская.

— Кто подбил тебя на это?

— Я сделала это по своей воле.